

● Lm.8_666 P0Lm.8_666

Жаркие люди

18+

P0Lm.8_666 P0Lm.8_666

Жаркие люди

«Автор»

2026

P0Lm.8_666 P.

Жаркие люди / Р. P0Lm.8_666 — «Автор», 2026

Эта книга — не о конце света. В ней нет взрывов, нет героев, нет спасения. Есть только жара. Она приходит не с неба — она поднимается от земли, из подъездов, из тел, из слов. Она стоит в воздухе, как стена, и никто не может через неё пройти. Город медленно плавится. Асфальт становится мягким, вода дорожает, люди перестают разговаривать. Красное солнце встаёт каждое утро, и никто уже не помнит, каким оно было раньше. Каждый живёт в своём собственном пекле: продавец с больной спиной, женщина, которая не уходит, художник, который рисует только красное, чиновники, которые улыбаются в прохладных залах. Здесь пахнет гарью, пылью и чужим разложением. Здесь из крана не течёт. Здесь люди падают прямо в магазине. Здесь подростки снимают, как плавают шлёпки, а соседи не выдерживают запаха из-за стены. Это текст без надежды. Без морали. Без финального дождя. Только духота. Только жаркие люди. Они всё ещё здесь.

© P0Lm.8_666 P., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
### Дисклеймер	6
### Глава 01. Клиент. 1	8
### Глава 02. Клиент. 2	11
### Глава 03. Клиент. 3	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

P0Lm.8_666 P0Lm.8_666

Жаркие люди

Глава

Дисклеймер

Настоящее произведение является художественным вымыслом. Все персонажи, события, организации, названия, географические объекты и обстоятельства либо вымышлены, либо использованы в художественных целях. Любые совпадения с реальными лицами, живыми или умершими, с реальными событиями, государственными органами, коммерческими брендами, политическими фигурами, а также с любыми общественными и частными институтами являются случайными.

Данный текст не является историческим документом, свидетельским показанием, публицистикой, медицинской, юридической или психологической консультацией. Он не содержит призывов к действию, не пропагандирует насилие, жестокость, употребление алкоголя или наркотических веществ, не оправдывает преступления, не разжигает ненависть или вражду, не имеет целью оскорбить чьи-либо чувства, убеждения, национальную, религиозную, социальную или иную принадлежность.

Произведение описывает тяжёлые, трагические, натуралистичные сцены, связанные со смертью, физическим страданием, душевной болью, социальной изоляцией, бытовым насилием, последствиями катастроф и необратимыми утратами. Оно не предназначено для лиц младше восемнадцати лет или эквивалентного максимального возраста, установленного в используемой юрисдикции. Чтение лицами, не достигшими указанного возраста, не рекомендуется.

Автор не утверждает, что описанные в тексте чувства, поступки и реакции являются нормой, примером для подражания или руководством к действию. Все изображённые ситуации носят исключительно художественный характер и служат целям повествования.

Если вы испытываете душевную боль, находитесь в тяжёлом эмоциональном состоянии или переживаете утрату, пожалуйста, обратитесь за помощью к квалифицированным специалистам в вашей стране или регионе. Художественная литература не заменяет медицинскую, психологическую или иную профессиональную поддержку.

Произведение не имеет цели опорочить какую-либо страну, народ, власть, общественный строй, религию, профессию, социальную группу или отдельного человека. Все упомянутые институты, должностные лица, чиновники, работники торговли, экстренные службы и иные фигуры являются плодом художественного вымысла.

Никакие сцены, описания или реплики персонажей не являются выражением мнения автора, не отражают его личную позицию и не должны трактоваться как одобрение или осуждение чьих-либо действий. Все оценки, эмоции и суждения, вложенные в уста персонажей, принадлежат исключительно этим персонажам и служат задачам художественного повествования.

Автор напоминает, что жизнь, здоровье, достоинство и безопасность каждого человека являются высшей ценностью. Художественная литература не является руководством по поведению в чрезвычайных ситуациях, не заменяет профессиональную помощь и не должна использоваться как источник сведений о медицине, праве, психологии или иных специальных областях знания.

Читатель самостоятельно несёт ответственность за своё эмоциональное состояние и за решение о начале, продолжении или прекращении чтения. Если содержание произведения вызывает у вас тяжёлые чувства, дискомфорт или ухудшение самочувствия, рекомендуется прекратить чтение и при необходимости обратиться к специалисту.

Автор выражает уважение ко всем людям, независимо от их возраста, пола, состояния здоровья, национальности, вероисповедания, социального положения и иных обстоятельств. Никто из реальных людей не был намеренно изображён в этом тексте, и ни одно реальное событие не было воспроизведено намеренно.

Все возможные ошибки, неточности, художественные преувеличения и условности являются частью вымышленного мира и не должны рассматриваться как фактическое утверждение.

Автор настоятельно просит читателя проявлять понимание и терпение.

Глава 01. Клиент. 1

Он вошёл первым. Дверь была тяжёлая, стеклянная, с металлической ручкой, и он потянул её на себя, чуть сильнее, чем нужно, потому что всегда тянул с запасом. Холодный воздух из магазина пахнул в лицо, смешанный с уличным, — сырость, пыль, лёгкий сладковатый оттенок спирта. Он задержался на пороге, моргнул.

— М? — сказал он, не оборачиваясь.

Это не был вопрос. Просто звук. Короткий, полуголосовой, больше похожий на мычание. Он так делал всегда, когда входил в новое помещение: первый вдох, первый шаг, и это «м?» — как проверка, что голос на месте, что горло не закрылось, что внутри можно находиться. Женщина за его спиной не ответила. Ей и не нужно было.

Он шагнул внутрь. Подошва мягко стукнула о плитку. Он остановился, прислушался к звуку, к его отражению от стен. Потолок был высокий, лампы длинные, без жужжания, свет ровный, чуть синеватый. Слева — стойка кассы, за ней мужчина в тёмно-синем фартуке, седой, с очками на шнурке. Справа — проход, стеллажи, ряды бутылок. Он всё это отмечал быстро, боковым зрением, не поворачивая головы. Глаза двигались отдельно от головы, как у птицы.

— М, — сказал он снова, уже тише. Это значило: «нормально». Или: «пока нормально». Или: «не знаю». Он сам не всегда мог сказать точно.

Женщина прошла за ним, встала чуть сбоку. От неё пахло привычно — слабо, чем-то тёплым, не духами, а одеждой, высушенной на воздухе. Она молчала. Он это ценил. Когда она молчала, было легче. Любые слова сейчас были бы лишними, как свет в глаза после темноты.

Он двинулся вперёд. Медленно, с прямой спиной, но руки висели как привязанные. Левая ладонь чуть подёргивалась, пальцы то сжимались, то разжимались. Он смотрел в пол перед собой, на стыки плитки, на тёмные линии затирки, чтобы не зацепиться взглядом за этикетки. Этикетки были опасны. Некоторые из них — яркие, кричащие — могли застрять в голове и не выходить оттуда часами.

Пол. Стык. Тень. Пол. Стык. Тень.

Он шёл, и в голове было тихо, но не спокойно. Тишина эта была натянутой, как простыня на углах кровати — ровно, но чуть тронь, и всё сойдёт. Где-то на дне, под этой тишиной, лежало смутное ожидание. Оно было всегда. Иногда он забывал о нём на час, на два, но потом что-то происходило — и оно всплывало, холодное, как вода в колодце.

— М? — снова вырвалось у него. Теперь это был почти шёпот. Он сам не заметил, что остановился.

Перед ним был стеллаж. Обычный, металлический, с полками, подсвеченными изнутри. Бутылки стояли рядами. В основном тёмные, зелёные, коричневые. Он медленно перевёл взгляд выше, с пола на нижнюю полку, потом на среднюю. Всё знакомое, всё безопасное.

Потом он повернул голову чуть вправо.

И увидел красное.

Сначала — край полки. Потом — блик. Потом — весь ряд целиком. Бутылки. Красные. Не тёмно-красные, не бордовые, а именно красные. Яркие, ровные, как свежая краска, как глянцевая кровь на белом стекле. Они стояли так плотно, что казались одной сплошной полосой. Красная полоса. Красная стена.

Он не понял, что произошло. Внутри что-то оборвалось, без звука, как нитка, которую рвут не резко, а тянут, тянут, пока она не лопнет от натяжения. В ушах загудело. Губы сами разомкнулись.

— М-м?..

Это было уже не «м?». Это было мычание. Ниже, глуше, с дрожью на конце. Он не услышал его, только почувствовал вибрацию в горле.

Он попятился. Сначала один шаг. Потом второй, неловкий, пяткой назад, колено подогнулось. Руки сами поднялись к груди, как у человека, который боится, что его ударят. Пальцы растопырились, потом сжались в кулаки, потом снова разжались. Он не сводил глаз с красного ряда. Оно росло. Оно занимало весь взгляд, весь мир, всё.

Плечо задело край стеллажа. Он не почувствовал боли — только толчок, тупой, отдавшийся в ключицу. Полка качнулась. Бутылка на ней, самая близкая, сдвинулась на сантиметр, скрипнула стеклом о стекло. Звук был тихий, но он услышал его так, как если бы это был крик.

— М! — уже громче, с хрипом. Не слово. Не крик. Что-то среднее.

Он взмахнул рукой — не специально, а потому что тело больше не подчинялось, потому что внутри всё дёргалось, как у животного, которое бьётся в тесной клетке. Локоть ударил по бутылке. Та покачнулась, задела соседнюю, и обе начали падать. Медленно. Очень медленно.

Он видел, как они летят, как одна задевает другую, как третья, на краю, тоже теряет равновесие. Стекло ударилось о край нижней полки. Раздался звон — резкий, рассыпчатый, как лёд под ногой. Осколки брызнули на пол. Красное вино выплеснулось, ударило по плитке, растеклось широким пятном. Ещё одна бутылка разбилась. Ещё.

Звук был невыносимый. Он зажмурился, но красное осталось — под веками, как отпечаток. Он услышал женский вскрик, кажется, слева, но не смог повернуть голову. Ноги стали ватными. Он прислонился спиной к соседнему стеллажу, съехал на несколько сантиметров вниз, но не упал.

— М... м... м... — забормотал он, сам не понимая зачем. Губы тряслись. Зубы стучали. Всё тело дрожало, как от холода, хотя в магазине было тепло.

Кто-то говорил сзади. Продавец. Он слышал обрывки:

— ...да что ж... ..осторожнее... ..вы что...

Голос был сердитый, но не грубый. Растерянный. Пожилой человек не понимал, что случилось, почему взрослый мужчина взмахнул руками и разбил полку с вином. Он, наверное, подумал: пьяный. Или псих. Или и то и другое.

Женщина уже была рядом. Он почувствовал её ладонь на своём рукаве. Тёплую, твёрдую, знакомую.

— Всё, всё, — сказала она. — Тихо. Сейчас.

Он не открывал глаз. Он боялся снова увидеть красное. Оно и так стояло перед ним — ровным рядом, как строй, который не распадается.

— М? — выдохнул он. Беспомощно, по-детски.

— Да. Я здесь.

Он не ответил. Просто стоял, прижав кулаки к груди, и дышал через рот, часто, мелко, как ребёнок после долгого плача. В голове было пусто и гулко, как в разбитой банке.

Продавец прошёл мимо с совком и щёткой. Пол под ногами хрустел. Женщина не убирала руку. Кто-то ещё вошёл в магазин, остановился, тихо спросил, что случилось. Ему не ответили.

Он слышал, как бьётся сердце. Где-то в ушах, в горле, в кончиках пальцев.

Хотелось сесть. Хотелось зажмуриться. Хотелось исчезнуть.

Но он стоял. И продолжал мычать — еле слышно, одними губами, как будто это могло вернуть ему равновесие.

Глава 02. Клиент. 2

Он вошёл первым. Дверь была тяжёлая, стеклянная, с алюминиевой рамой, и он открыл её ровно настолько, чтобы пройти, — не слишком широко, чтобы не впускать холод, не слишком узко, чтобы не задеть плечом. Это была привычка человека, который каждый день открывает двери: в офис, в магазин, в подъезд. Спокойная, без лишних движений. Он даже не думал об этом.

Внутри пахло спиртом, картоном и слабым ароматизатором — дешёвым, с ноткой цитруса, который не мог перебить основной запах. Пол был светлый, плитка крупная, чуть скользкая после улицы. Лампы гудели тихо, на грани слышимости. Слева за стойкой сидел пожилой продавец в тёмно-синем фартуке, с очками на носу, и листал что-то в телефоне, не поднимая глаз.

Он кивнул продавцу, скорее по инерции, чем из вежливости, и пошёл прямо, к винному отделу. Женщина шла рядом, на расстоянии вытянутой руки. Она была в сером пальто, с сумкой через плечо, и молчала. Это было удобно. Они давно научились ходить по магазинам молча — без лишних слов, без «посмотри сюда» и «может, вот это». Каждый знал, зачем пришёл.

— Нам сюда, — сказала она негромко, когда они поравнялись с рядом стеллажей.

Он кивнул.

Винный отдел был в глубине. Стеллажи высокие, тёмные, с подсветкой. Бутылки стояли ровно, этикетками вперёд, как солдаты на параде. Он скользнул взглядом по полкам, выискивая нужное: сухое белое, средняя полка, привычная форма бутылки. Он знал, что оно там есть, потому что этот бренд был в ассортименте почти всегда.

Он сделал ещё два шага и остановился.

Перед ним стоял ребёнок.

Мальчик, лет семи, может, восьми. В синей куртке, с рюкзаком за спиной. Он стоял у полки, прижавшись к ней боком, и крутил в руках какую-то дешёвую шоколадку, вытащенную с кассовой стойки. Рядом, чуть поодаль, стояла его мать — невысокая женщина в пуховике, с усталым лицом, разговаривала с кем-то по телефону, повернувшись к залу вполоборота. Она не смотрела на ребёнка.

Он хотел обойти мальчика справа. Там было достаточно места — узкий проход между стеллажом и ребёнком, сантиметров сорок. Он сделал шаг вправо, наклонился чуть вперёд, чтобы не задеть рюкзак.

И в этот момент мальчик дёрнулся.

То ли от неожиданности, то ли потеряв равновесие, то ли просто по-детски резко, всем телом, как дёргаются дети, когда их зовут или когда они что-то вспоминают. Рюкзак качнулся, локоть мальчика ударил его чуть выше бедра, вбок, не сильно, но неожиданно.

Он покачнулся.

Правое плечо ушло вперёд, рука автоматически выбросилась в сторону, чтобы за что-то ухватиться. Пальцы сжали воздух, потом задели край полки. Он не схватился — просто зацепился ногтями, скользнул, и инерция понесла его дальше, вбок, на стеллаж.

Удар вышел глухой, плечом и предплечьем, по краю средней полки, как раз по ряду бутылок. Стекло звякнуло. Одна бутылка качнулась, ударилась о соседнюю, та — о следующую. Раздался тот самый звук, который нельзя спутать ни с чем: стекло о стекло, с нарастающим звоном, как по цепочке.

Он попытался выпрямиться, но правая нога поехала на гладкой плитке, и он снова качнулся, на этот раз назад, задев стеллаж спиной.

Две бутылки упали.

Первая ударилась о край полки и лопнула с сухим хрустом — не взрывом, а именно лопнула, как лопается перегретая банка. Осколки брызнули на пол, вино выплеснулось тёмно-красной волной, растеклось по плитке, забрызгало низ стеллажа и его ботинок. Вторая упала следом, ударилась о первую, разбилась уже не так звонко, но тоже разлетелась — по полу, по ножке соседней полки, по краю его брюк.

На секунду всё замерло.

Он стоял, наклонившись вперёд, с вытянутой рукой, которой только что пытался зацепиться за воздух. Перед ним на полу растекалось красное. Осколки лежали повсюду — мелкие, блестящие, как рассыпанный лёд. По плитке медленно ползла лужа, тёмная, почти чёрная у краёв и ярко-алая в середине, там, где свет падал прямо.

Ребёнок отскочил. Мать ребёнка обернулась, опустила телефон, открыла рот. Продавец привстал из-за стойки, вытянул шею.

— Эй! — сказал он. — Что там у вас?

Он не ответил. Он всё ещё смотрел на лужу.

В голове было пусто, но не спокойно. Он понимал всё, что произошло. Понимал, что его толкнул ребёнок. Что он не виноват. Что это случайность. Что на камерах будет видно, как мальчик дёрнулся, как его локоть ударил взрослого, как тот потерял равновесие. Всё это он понимал. Но понимание шло отдельно, где-то вверху, как текст на экране, а в теле всё ещё жил звук бьющегося стекла.

Он медленно выпрямился.

— Я не... — начал он, но голос сорвался. Он прокашлялся. — Это не специально.

Голос прозвучал глухо, как из-под одеяла. Он сам его почти не узнал.

Женщина уже была рядом. Она не хватала его, не кричала, просто встала сбоку и смотрела на пол. Потом перевела взгляд на него.

— Ты цел? — спросила она.

— Да. Я не упал.

— Хорошо.

Она не спросила, как это случилось. Ей было достаточно того, что он цел. Остальное — потом.

Мать ребёнка подошла быстро, почти бегом. Лицо у неё было испуганное, но не виноватое. Она сразу заговорила, как говорят люди, которые боятся, что им сейчас выставят счёт:

— Он не хотел! Он просто повернулся! Вы сами шли близко!

— Я видел, — сказал он.

— Что?

— Я видел, что он не хотел.

Он сказал это ровно, без злости. Ему не было смысла спорить. Он действительно видел. Мальчик стоял в стороне, прижавшись к стеллажу, с шоколадкой в руке, и смотрел на него огромными испуганными глазами. Нижняя губа у мальчика дрожала. Он был готов заплакать.

— Всё нормально, — сказал он мальчику. — Я не упал.

Мальчик не ответил, только сжал шоколадку крепче.

Подошёл продавец. Он был невысокий, плотный, с седыми усами и тяжёлой походкой. В руке у него был совок и щётка, как будто он ждал чего-то подобного весь день.

— Ну что, — сказал он, глядя на пол. — Две бутылки. Вино недорогое, но всё равно. Платить надо.

Он кивнул.

— Да. Я заплачу.

— Прямо две, — уточнил продавец, присаживаясь на корточки. — Одна вон вообще вдребезги. Вторая тоже не жилец.

— Я заплачу за обе.

— Ну смотри. По кассе пробью.

Женщина взяла его под локоть, легонько, не чтобы удержать, а чтобы дать опору. Он не отдёргнулся. Стоял и смотрел, как продавец считает осколки в совок. Стекло скрипело о плитку. Красное вино оставалось на полу — его надо было вытирать тряпкой, и продавец, наверное, уже думал об этом, но не торопился.

— Пойдём на кассу, — сказала женщина.

— Ага, — ответил он.

Но ещё несколько секунд не двигался. Он смотрел на лужу, на то, как свет дробится в красном, как вино медленно ползёт к стыку плиток, и чувствовал, как внутри что-то сжимается. Не страх. Скорее — усталость. Глубокая, знакомая, почти привычная. Усталость от того, что всё пошло не так. От того, что тело подвело. От того, что ребёнок, который его толкнул, теперь будет помнить этот случай и, может быть, плакать вечером.

Он повернулся к кассе.

— М? — сказал он тихо, не женщине, а сам себе.

Она слышала.

— Всё нормально, — ответила она. — Идём.

Он кивнул и пошёл. Подошва ботинка липла к полу, и он чувствовал это при каждом шаге — маленькое, мокрое сопротивление, как будто пол не хотел отпускать.

Глава 03. Клиент. 3

Он вошёл первым. Дверь была тяжёлая, стеклянная, с алюминиевой рамой, и он открыл её ровно настолько, чтобы пройти, — не слишком широко, чтобы не впускать холод, не слишком узко, чтобы не задеть плечом. Это была привычка человека, который каждый день открывает двери: в офис, в магазин, в подъезд. Спокойная, без лишних движений. Он даже не думал об этом.

Внутри пахло спиртом, картоном и слабым ароматизатором — дешёвым, с ноткой цитруса, который не мог перебить основной запах. Пол был светлый, плитка крупная, чуть скользкая после улицы. Лампы гудели тихо, на грани слышимости. Слева за стойкой сидел пожилой продавец в тёмно-синем фартуке, с очками на носу, и листал что-то в телефоне, не поднимая глаз.

Он кивнул продавцу, скорее по инерции, чем из вежливости, и пошёл прямо, к винному отделу. Женщина шла рядом, на расстоянии вытянутой руки. Она была в сером пальто, с сумкой через плечо, и молчала. Это было удобно. Они давно научились ходить по магазинам молча — без лишних слов, без «посмотри сюда» и «может, вот это». Каждый знал, зачем пришёл.

— Нам сюда, — сказала она негромко, когда они поравнялись с рядом стеллажей.

Он кивнул.

Винный отдел был в глубине. Стеллажи высокие, тёмные, с подсветкой. Бутылки стояли ровно, этикетками вперёд, как солдаты на параде. Он скользнул взглядом по полкам, выискивая нужное: сухое белое, средняя полка, привычная форма бутылки. Он знал, что оно там есть, потому что этот бренд был в ассортименте почти всегда.

Он сделал ещё два шага и остановился.

Перед ним стоял ребёнок.

Мальчик, лет семи, может, восьми. В синей куртке, с рюкзаком за спиной. Он стоял у полки, прижавшись к ней боком, и крутил в руках какую-то дешёвую шоколадку, вытащенную с кассовой стойки. Рядом, чуть поодаль, стояла его мать — невысокая женщина в пуховике, с усталым лицом, разговаривала с кем-то по телефону, повернувшись к залу вполоборота. Она не смотрела на ребёнка.

Он хотел обойти мальчика справа. Там было достаточно места — узкий проход между стеллажом и ребёнком, сантиметров сорок. Он сделал шаг вправо, наклонился чуть вперёд, чтобы не задеть рюкзак.

И в этот момент мальчик дёрнулся.

То ли от неожиданности, то ли потеряв равновесие, то ли просто по-детски резко, всем телом, как дёргаются дети, когда их зовут или когда они что-то вспоминают. Рюкзак качнулся, локоть мальчика ударил его чуть выше бедра, вбок, не сильно, но неожиданно.

Он покачнулся.

Правое плечо ушло вперёд, тело наклонилось к стеллажу. Он уже видел, как край полки приближается, как бутылки на ней вздрагивают от сотрясения воздуха, как одна, ближайшая, начинает крениться.

Но он успел.

Не мыслью — мысль всегда отстаёт. Телом. Ноги сами перестроились, правая ступня развернулась на сорок градусов, бедро ушло вперёд, левая рука выбросилась вниз и вправо, ладонь раскрылась, поймала вес. Пальцы сомкнулись на холодном стекле.

Бутылка дёрнулась в ладони, но не выскользнула. Он сжал её крепче, до побелевших костяшек, и замер. Одна нога упиралась в пол, другая — в основание стеллажа, корпус был наклонён вперёд, как у бегуна на старте. Сердце ударило в груди один раз, коротко и глухо, но голова осталась ясной.

Он медленно выпрямился.

Бутылка была у него в руке. Красная. Стекло холодное, скользкое, с мелкими каплями конденсата. Он посмотрел на неё, потом на полку, откуда она начала падать. На том месте, где она стояла, остался влажный круглый след. Соседние бутылки чуть сдвинулись, но ни одна не упала.

Он поставил бутылку обратно. Осторожно, доньшком в круглый след, как будто возвращал её в форму, из которой она выпала. Пальцы ещё секунду задержались на горлышке, потом разжались.

Ребёнок стоял в двух шагах, прижавшись спиной к стеллажу, и смотрел на него огромными испуганными глазами. Шоколадка в его руке была смята, фольга треснула. Мальчик не двигался.

— Осторожно, — сказал он.

Голос прозвучал ровно, почти спокойно. Мальчик кивнул. Мать мальчика обернулась, опустила телефон.

— Что там? — спросила она.

— Всё нормально, — сказал он, не глядя на неё. — Просто тесно.

Она не стала переспрашивать. Перевела взгляд на сына, нахмурилась, что-то сказала ему одними губами — наверное, «отойди» или «не мешайся». Мальчик шагнул к ней, всё ещё прижимая к себе смятую шоколадку.

Женщина, с которой он пришёл, тронула его за рукав.

— Успел? — спросила она тихо.

— Успел.

Она кивнула, ничего больше не сказала.

Он постоял ещё несколько секунд, глядя на полку. Красные бутылки стояли ровно. Ни одна не разбилась. Пол был чистый, только лёгкий конденсат поблескивал на плитке.

Он перевёл взгляд на свою ладонь. Пальцы ещё немного дрожали, едва заметно, но он не сжимал их в кулак. Просто опустил руку вниз, к бедру, и дал ей повисеть.

— Идём, — сказал он женщине.

— Да. Идём.

Они пошли дальше, к нужной полке. Ребёнок и его мать остались позади, у кассы. Продавец так и сидел, уткнувшись в телефон, и ничего не заметил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.